

С. В. Сорочан

МИФЫ И РЕАЛИИ ХЕРСОНЕССКОГО ХЛЕБНОГО ЭКСПОРТА

вопрос о вывозе зерна Херсонесом Таврическим представляется весьма противоречивым. Установлено, что в III — II вв. до н. э. город обладал широкой и развитой зерновой базой в Северо-Западном Крыму. Это находит надежное подтверждение в письменных, эпиграфических и археологических источниках. Поэтому Херсонес справедливо считается среди специалистов крупным экспортёром хлеба, который составлял одну из ведущих статей вывоза Северного Причерноморья в эпоху эллинизма. Принято считать, что эта статья вывоза оставалась одной из важнейших для города и в последующее

время. По мнению Г. Д. Белова, А. Г. Кузьминой, Г. А. Цветаевой, М. В. Скржинской, Т. Н. Высотской, В. Т. Сиротенко и ряда других исследователей, зерно являлось главным предметом херсонесского экспорта и в римский период [1, с. 103, 114; 2, с. 117-118; 3, с. 56; 4, с. 34-35; 5, с. 176; 6, с. 100]. В одних работах это положение считается само собой разумеющимся и почти ничем не аргументируется. В других делается попытка найти подтверждение в источниках. Так, иногда указывается, что в 15 книге Перя Πράκλειας Мемптона есть свидетельство о продовольственной помощи, оказанной херсонеситами гераклеотам, осажденным в конце 70-х гг. до н. э. римскими войсками (Мемп. 15, XLIX, 4). Оно рассматривается как показатель наличия товарного хлеба в Херсонесе этого времени [7, с. 219, 237-238]. В действительности Мемптон нигде не сообщает, что эта помощь (а точнее, просьба о союзе — *ὑπερσυνμαχιάς*) состояла исключительно из продуктов и тем более из хлеба, к тому же лишь херсонесских. Напротив, он указывает не только на продовольствие, но и на другие необходимые воюющим гераклеотам товары, доставленные из Крыма. Кроме того, помимо Херсонеса, в симмахино вошан Феодосия и Боспор. Последние действительно были сравнительно богаты хлебом и двумя десятилетиями раньше, видимо, могли платить им дань Митридату Евпатору (Strab. VII, 4, 6). Херсонес же мог оказывать помощь прежде всего соленой рыбой и лишь в самом мизерном количестве пшеницей, так как в силу своего затяжного конфликта со Скифским царством в Северо-Западном Крыму его хора была разорена и город сам находился в очень сложных условиях. В этом плане положение Херсонеса было непонятно лучше положения Гераклеи, тоже лишившейся прежней аграрной территории.

Однако имеется еще одно свидетельство более позднего времени, которое, казалось бы, не оставляет сомнений в существовании хлебного экспорта из Херсонеса Таврического. М. В. Скржинская, рассматривая сведения Плиния Старшего, указывает на его сообщение о привозе пшеницы из Херсонеса в Рим [4, с. 35].

Плиний действительно пишет в 66 параграфе своей XVIII книги «Естественной истории», что «в настоящее время (то есть около 60-70 гг. I в. н. э. — С. С.) из тех сортов пшеницы, которую доставляют в Рим, самая легкая галльская и ввозимая из Херсонеса...» Сама же исследовательница этого сочинения, комментируя свидетельство, замечает, что Плиний не указывает точно, о каком имени Херсонесе идет речь [4, с. 34].

М. В. Скржинская считает, что в пользу Таврического Херсонеса в данном случае свидетельствует его зависимость от Рима, которая могла найти выражение в поставках хлеба [4, с. 35]. Последнее вполне вероятно, но возникает вопрос, почему эти поставки должны были состоять только из хлеба? Автор пытается подкрепить свое предположение ссылками на находку хранилища с пшеницей на Тарханкутском полуострове, который «...одно время входил в состав Херсонесского государства» [4, с. 35]. Однако при этом не учитывается то обстоятельство, что зернохранилище городища Тарпанчи, открытое А. Н. Щегловым в 1959 г., погибло уже во II в. до н. э. [8, с. 75-77]. К данным же радиоуглеродных анализов, которые пытаются «омолодить» эту находку почти на три столетия, следует относиться с осторожностью, так как они дают такую погрешность и в случаях, когда датировка находок не вызывает сомнений [9, с. 103, прим. 13]. Впрочем, если даже исходить из наличия собственного зернового хозяйства в Северо-Западной Таврике в первые века н. э., это не изменит главного, решающего обстоятельства. После длительных войн II - I вв. до н. э. Херсонес, по авторитетному мнению ряда исследователей, «...не смог восстановить свою старую полисную систему земледелия ни на собственной городской округе, ни на остальной территории Западного Крыма» [10, с. 55; 11, с. 341; 9, с. 135]. Более того, в I - начале II вв. патрик скифов продолжался, они овладели городами Северо-Западного Крыма (Agr. Periopl. 19). Следовательно, этот район, бывший основным поставщиком зерна Херсонесскому государству, оказался окончательно утраченным. Около середины III в. жизнь на поселениях этого района вообще прервалась [9, с. 135]. Причем у нас нет данных о сколько-нибудь заметной торговле Херсонеса с Северо-Западной Таврикой в первые века н. э. [12, с. 80-81].

Хотя вес тарханкутской пшеницы приблизительно совпадает с весом легких сортов зерна, указанных в «Естественной истории» (гальской, кипрской и др.) [Plin. N. H. XVIII, 12 (1), 66-68; ср. 13, с. 120; 4, с. 34-35], все же трудно согласиться с тем, что Плиний имел в виду экспорт хлеба именно из Херсонеса Таврического и вообще из понтийских областей, к которым он относил Таврику. Это был достаточно осведомленный, серьезный ученый, далекий от безудумной компиляции чужих разновременных сочинений. Поэтому правильный анализ сообщения параграфа 66 его книги возможен только при условии понимания общего контекста всей главы сочинения Плиния, где речь шла о разных сортах пшеницы и их весе. Лишь двумя параграфами выше Плиний, описывая положение дел в прошлом, вполне определенно заявляет, что «...Греция одобряла и понтийскую пшеницу, которая не доходит в Италию» [N. H. XVIII, 12, 63]. Поэтому, читая несколькими строками ниже о херсонесской пшенице, привозимой в Рим «в настоящее время» (писец — автор это специально подчеркивал, отделяя от информации, изложенной в прошедшем времени), нетрудно было понять, что Плиний не имел в виду ни пшеницу из Херсонеса в Таврике, ни, вопреки предположению А. Н. Щеглова, вообще пшеницу с Крымского полуострова. Другими словами, он имел в виду привоз в Рим понтийской пшеницы. Что касается совпадения в названии города и местности, указанной Плинием, то это совпадение только кажущееся. Более внимательное знакомство с источником показывает, что его автор, говоря о крымском Херсонесе, всякий раз уточнял это, называя его «Херсонесом, городом гераклеев» [N. H. IV, 78], Херсонесом Таврическим [N. H. XIX, 95] или Новым Херсонесом, Гераклеей-Херсонесом [N. H. IV, 85], передавая звучание его имени в повзвончатом произношении. Интересующим же нас Херсонесом Плиний вполне определенно называл расположенный перед Азией полуостров, отождествляемый с Херсонесом Фракийским («Лежащее перед Азией и отделенное от Европы выгнутом берегом Херсонеса, это огромное море (Понг. — С. С.) прорывается среди земель узким проливом, отделяя Европу от Азии промежутком... в 7 стадий» [N. H. IV, 75]). Поэтому упомянутый им в XVIII книге Chersoneso, очевидно, относится к Фракии, которая была особенно богата хлебом [Diod. XX, 96; Plutarch. Vita Demetr. 34; Col. VII, 2; SHA. Tr. Pol. Vita Ballist. 18, 8; Amm. Marc. XXXI, 6, 5; XXXI, 12, 8 Exr. tot. mundi et gent. 50, 57]. Это тем более вероятно, что далее, в 69-70 параграфах книги, Плиний говорит именно о фракийской пшенице. Такая поправка снимает необходимость обвинять Плиния в противоречии самому себе и считать, как это делает М. В. Скржинская, что его сообщение

в 63 параграфе целиком взято из старых источников [4, с. 35]. Действительно, о Греции автор говорил в прошедшем времени (*laudavit* — «одобряла»), подразумевая тот период, когда Фракийский Херсонес, Боспор и отчасти Ольвия вывозили сотни тысяч медимнов хлеба в города Аттики и Аркадии [*Lys. Orat. XXXII, 15; Demosth. XX, 29-34; XXXIV, 36-37; КБН, 37; В. П. Яйленко. Одна боспорская эпитафия // Проблемы античной культуры. — М., 1986. — С. 222-226*]. Но, сообщая об отсутствии экспорта понтийской пшеницы в Италию (*quod in Italiam non pervenit* — «которая не доходит в Италию»), он, без сомнения, имел в виду современное ему положение вещей.

До недавнего времени считалось, что еще одно свидетельство I века о вывозе большого количества зерна из Херсонеса в Рим содержится в тексте надгробия легата Мезии Тиберия Плавция Сильвана, в свое время оказавшего военную помощь городу [1, с. 103, 114]. Однако этот вывод Г. Д. Белова оказался основанным на неверном прочтении эпитафии, в которой действительно говорится о поставках в Рим пшеницы, но не из Херсонеса, а из Мезии [14, с. 22]. При этом интересно другое: видимо, не случайное совпадение по времени этого известия с тем, о котором писал Плиний. Это может служить еще одним подтверждением, что в третьей четверти I в. н. э. Рим получал определенное количество пшеницы не из Херсонеса в Крыму, а из плодородных восточно-балканских земель, которые справедливо славились как «житница Цереры» [*Solin. 22; 15, с. 40, 44-45*].

О том, что Херсонес не мог в первые века н. э. вывозить в значительном количестве собственный хлеб, свидетельствует состояние его земледельческой базы. Такой постоянной базой могли быть только владения города на прилегающем Гераклеийском полуострове. Археологические исследования показали, что эта ближайшая городская округа производила в основном виноград и садовые культуры. Даже если потеря Северо-Западного Крыма вызвала здесь в первые века н. э. некоторое расширение посевов зерновых [16, с. 82; 17, с. 135 сл.], маловероятно, чтобы хлебными злаками засеивалось больше 4000 га, то есть почти половина всех обрабатываемых земель. По мнению В. Д. Блаватского и В. И. Кадсева, урожайность зерновых на местных сравнительно скудных почвах не превышала сам-семь (8-9 ц с га) [18, с. 158-159; 19, с. 23]. Следовательно, на этой территории можно было собрать в год приблизительно 32-36 тыс. ц пшеницы и ячменя.

Если исходить из вычислений В. Д. Блаватского, население Херсонеса и его ближайшей хоры составляло примерно 20 - 25 тыс. человек [18, с. 196] и даже по осторожным оценкам было не менее 10 тысяч [20, с. 124]. Будем считать средней суточной нормой потребления одного человека 500 г зерна, хотя это заниженная норма и в действительности она могла быть значительно больше. Например, норма хлеба, выдававшаяся римскому плебею, составляла 60 модиев в год, или 1,44 либра в день [21, р. 159]. Рабам, по данным Катона, полагалось выдавать от трех до пяти модиев пшеницы в месяц, что составляло не менее 21-33 кг (*Cato. De agr. LVI*). Рацион римского солдата зерном составлял четыре модии в месяц [22, р. 224-225], что равнялось 26,2 кг при условии, если зерно было из самых легких сортов, то есть около 20 либров в модии [*Plin. N. H. XVIII, 66*]. Другие источники указывают такую дневную норму равной 3 либрам (около килограмма) [23, с. 54]. Позже не только военные, но и каппадокийские служащие стали получать в день 1,3 - 1,7 кг хлеба [24, р. 225-226, 234]. Поэтому К. Хопкинс исходил в своих предположениях из зернового рациона в 250 кг на человека в год, то есть около 680 г в день, даже учитывая, что дети и пожилые люди потребляли хлеба значительно меньше [25, р. 118]. Во всяком случае во время голода начинали выдавать по либру хлеба в день. Это, как отмечал Иешуа Стиллит, не позволяло поправить положение, то есть было явно недостаточно [26, § 42]. Сравнение этих норм с рационом потребления зерна в иные исторические эпохи и в иных регионах подтверждает приведенные цифры. Так, в Шумере, Вавилоне, средневековой Средней Азии выдавалось не менее 600 г зерна в день на человека [27, с. 105]. Эдикт XIII Юстиниана I предусматривал 13 артаб (по 29,5 л) в год для взрослого человека, то есть ежедневно два-три каравай хлеба, каждый весом по 400 г [28, р. 42]. Согласно данным, собранным Э. Патлажап, в ранней Византии потребление зерна колебалось между 1,3 и 2,7 кг в день [29, р. 55]. Даже монашеское питание включало 600-1000 г хлеба [30, р. 452]. Примерно из такого же

количества исходил О. Р. Бородин, когда отмечал, что в Византийской Италии для пропитания одного человека необходимо было 16 модиев в год, что составляло 180-200 кг [33, с. 129]. По подсчетам О. Г. Большакова, учитывающим большое количество детей в средневековых арабских городах, средняя норма зерна на душу населения составляла здесь 730 г хлеба в день [31, с. 135, прим. 49], тогда как для западноевропейского средневековья Ф. Бродель называл три гектолитра (2,42 ц) или ниже, то есть около 1,5 кг зерна в день [32, с. 141-142]. Во всяком случае 900 г пшеничного хлеба дают как раз 2000 калорий из 4000, необходимых для жизни и работы [31, с. 209-210]. Кроме того, надо учитывать запасы зерна, необходимого для посева и фуража. Но если даже принять минимальную цифру зернового района (500 г) на каждого жителя Херсонеса и его округа, окажется, что город с населением в 10-15 тыс. человек мог вывозить максимум 862,5-1775 тонн собственного зерна в год, что составляло не более одного-двух десятков кораблей среднего тоннажа. Причем это был крайний предел экспортных возможностей, предполагающий полное использование пахотных земель и стабильную урожайность. В первые века цена хлеба составляла в среднем денарий за модий зерна (6,5 кг) [34, р. 145-146, 345, 365]. Значит, продажа такого количества хлеба принесла бы городу 131 тысячу 679 – 270 тыс. 992 денария. В условиях инфляции и увеличения цен (согласно Эдикту 301 г. лагерный модий пшеницы весом 16 кг* стоил 100 денариев**) [35, Сар. 1, 2] это составило бы 5 млн 390 тыс. 625 – 11 млн 93 тыс. 750 медных денариев, то есть 161 тыс. 700 – 332 тыс. 850 серебряных денариев, или 107,8 – 221,9 фунтов золота. Однако следует учитывать, что, в случае если население Херсонеса увеличилось до 20 тыс. человек, запасов собственного зерна было бы недостаточно даже для удовлетворения потребностей внутреннего рынка. Отчасти поэтому уже с I в. до н. э. город стал налаживать торговлю с туземным населением Юго-Западного Крыма, развивая ее преимущественно в северо-восточном направлении, вдоль третьей гряды Крымских гор [12, с. 82-84]. Этот район должен был хотя бы частично заменить и компенсировать потерянную хлебную базу в Северо-Западном Крыму. Однако, по свидетельству эпиграфических источников, Херсонес в I в. до н. э. – II в. н. э. периодически испытывал продовольственные затруднения, острую нехватку хлеба [IRE, I², № 355, 364, 423, 428; 39, № 3, 5, 25]. Причем не случайно такое положение создавалось тогда, когда город подвергался военному давлению со стороны скифов и других местных племен и когда страдала его сельская хора [IRE, I², № 369; 14, с. 15-16, 25-26]. Думается, что в условиях зависимости от поставок зерна из Юго-Западного Крыма херсонесский хлебный экспорт не мог быть регулярным и иметь большие размеры. Вместе с тем отмеченные обстоятельства не исключают зерновые в составе экспорта города. Если верить утверждению Аммиана Марцелина [Hist. XXII, 8, 32], население Таврики до конца IV в. продолжало заниматься главным образом земледелием. Однако надо учитывать, что гибель Неаполя Скифского, разгром многих городов и селений Крыма в III в. должны были привести и, как свидетельствуют археологические и палеозоологические источники, привели к сокращению крымской торговли Херсонеса в северо-восточном направлении [40, с. 26-36]. Она с года все более ограничивалась связями с местным населением горных долин, то есть юго-восточным направлением. В конце IV в. нападение гуннов окончательно прервало жизнь в предгорьях и вызвало новое передвижение туземного населения в глубины горных долин, мало пригодных для земледелия. Ко второй половине V в. состояние херсонесской торговли в Крыму еще более ухудшилось, так как, по данным Прокопия Кесарийского, гунны захватили почти всю Таврику, за исключением Херсонеса [De bell. got. IV, 5, 23-30]. По-видимому, усиление зависимости Херсонеса от поставок хлеба из Малой Азии, о которых позднее упоминал Константин Багрянородный [41, Сар. 53, 523-535], отчасти можно объяснить сокращением торговли с Юго-Западным Крымом.

*Существует мнение, что лагерный модий весил около 10 кг [38, р. 82-83].

**Такая мелкая разменная монета по курсу денежной реформы 286 г. содержала 1/50 тыс. фунта золота, а римский фунт золота (327 г) соответствовал 60 золотым или 1500 серебряным монетам [36, с. 650, 663; 37, р. 296-297].

С происходившими изменениями, видимо, можно связать начавшееся с конца III в. повышение роли скотоводства в хозяйстве города. Об этом особенно наглядно свидетельствуют результаты раскопок крупной позднеримской виллы № 150 в центре Гераклейского полуострова, где в IV - V вв. содержались многочисленные стада, главным образом овец, и существовали оригинальные каменные хранилища-холодильники для продуктов животноводства [42, с. 284-285]. Разумеется, наличие огромных животноводческих комплексов было несовместимо с занятием хлебопашеством. В этой связи необходимо заметить, что подобная ориентация хозяйства в IV - V в. была, видимо, вполне закономерной и оправданной. На крупных западнопонтийских виллах в этот период тоже отмечалось усиление удельного веса скотоводства, что, очевидно, стимулировалось попадением готов, гепидов, бастарнов и др., которые не позволяли нормально развиваться виноградарству и земледелию [43, с. 16-17; 44, с. 120]. Скот же в этой обстановке уберечь было легче.

Показательно, что имеющиеся для этого времени письменные источники тоже не свидетельствуют об изобилии хлеба в Херсонесе. В 53 главе трактата «Об управлении государством» указано, что при императоре Константине I херсонесскому гарнизону баллистариев была предоставлена ежегодная субсидия натурой, в том числе и хлебом [41, Сар. 53, 138-154]. Эта льгота оценивалась в одном ряду с правом на ателию как особое благодеяние для города, что уже само по себе свидетельствует об отсутствии на месте достаточных товарных запасов зерна.

Недоумение вызывает некоторые утверждения исследователей, сопровождающиеся надежными, на первый взгляд, ссылками на источники. В частности, В. Т. Сиротенко отмечает, что Фемистий, бывший префектом Константинополя в 386 г. (в действительности в 383 г. — С. С.), сообщил о вывозе пшеницы из Херсонеса в столицу [6, с. 100]. На Фемистия, как источник такого рода сведений, указывает и В. А. Алохин, хотя и без соответствующей ссылки [45, с. 488]. Однако нам не удалось найти подобную информацию в 17 речи «О хейротонии правителя города» [46, р. 305-309], к которой отсылает В. Т. Сиротенко.

Неубедительна апелляция В. Т. Сиротенко и к Сократу Схоластику [6, с. 100], так как этот историк, упоминая о морских перевозках пшеницы и другого продовольствия в Константинополь в конце IV - начале V вв., не называет конкретно, откуда они предпринимались (Socrates. Hist. Ecclesiast. IV, 16). Напротив, он отмечает, что припасы поступали в город «отовсюду, со всех сторон» (πανταχόθεν), в том числе и по «прилегающему Эвкенискому Понту» (...καὶ οἱ τὸ Ἐὐξείνως Πόντος παρακείμενος), что, конечно, не может служить бесспорным указанием на Херсонес.

Думается, приведенные выше соображения заставляют признать дискуссионным мнение о крупных размерах и ведущем значении хлебного экспорта Херсонеса в римский период.

Косвенно наше предположение подтверждают также этнографические данные. Они свидетельствуют, что в Юго-Западном Крыму всегда было наиболее выгодно не хлебопашество, а занятие скотоводством и виноградарством [47, с. 38-43; 48, с. 294-299]. Такие зерновые культуры, как ячмень, просо, на Южном берегу Крыма вообще не сеяли, а пшеница в окрестностях Симферополя и Бахчисарая была мелкой и удавалась только тогда, когда выпадало много снега и в течение лета было несколько своевременных дождей. Южпобережье вообще предпочитало жить за счет привозного зерна [49, с. 109-113].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов Г. Д. Херсонес Таврический. — Л., 1948.
2. Кузьмина А. Г. К вопросу о римской оккупации Херсонеса Таврического // Некоторые вопросы всеобщей истории. — Тула, 1972.
3. Цветаева Г. А. Боспор и Рим. — М., 1979.
4. Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. — К., 1977.
5. Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. — К., 1972.

6. Сиротенко В.Т. Письменные источники по истории Херсонеса IV - VI вв. // Уч. зап. Перм. ун-та. — 1964. — № 117.
7. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. — М., 1986.
8. Щеглов А. Н. Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма // Сообщения Херсонесского музея. — Симферополь, 1961. — Вып. 2.
9. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Л., 1978.
10. Тюменев А. И. Херсонесские этюды // ВДИ. — 1950. — № 2.
11. Щеглов А.Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. — Л., 1968.
12. Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. - V в. н. э. — Харьков, 1989.
13. Щеглов А. Н. Полис и хора. — Симферополь, 1976.
14. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в I в. до н. э. — III в. н. э. — Харьков, 1981.
15. Икономика на България. — София, 1969. — Т. 1.
16. Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху. // ПИСП. — М., 1959.
17. Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. — 1961. — Вып. 6.
18. Блаватский В.Д. Земледелие в античных городах Северного Причерноморья. — М., 1953.
19. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в I в. до н. э. — III в. н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1975.
20. Nadel B. Penetracja Rzymu i wpływy rzymskie na południowym wybrzeżu Morza Czarnego // Meander. — 1969. — № 3.
21. Duncan-Jones R. Two possible indices of the purchasing power of money in Greek and Roman antiquity // Les «devaluations» a Rome époque Republicaine et Imperiale. — Rome, 1978.
22. Frank T. Rome and Italy of the Republic. — Baltimore, 1933. — Vol. 1.
23. Петровић П. О снабдевању у римских трупа на ђерданском лимесу // Старинар. — Београд, 1981. — Кн. 31.
24. Johnson A. C., West L. C. Byzantine Egypt: Economic Studies. — Princeton, 1949.
25. Hopkins K. Taxes and Trade in the Roman Empire (200 B. C. — A. D. 400) // JRS. — 1980. — Vol. 70.
26. Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V — VI вв. н. э.: Сирийская хроника Иешуа Стильта как исторический источник. — М.; Л., 1945.
27. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. — Л., 1976.
28. Evert-Kappesowa H. Studia nad historia wsi byzantynskiej w VII — IX wieku. — Lodz, 1963.
29. Kazhdan A., Constable G. People and Power in Byzantium: An Introduction to Modern Byzantine Studies. — Washington: Dumbarton Oaks, 1982.
30. Dembinska M. Diet: A Comparison of Food Consumption between some Eastern and Western Monasteries in the 4th — 12th Centuries // Byzantium. — 1985. — Т. 55.
31. Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. — М., 1984.

32. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. — М., 1986.
33. Бородин О. Р. Византийская Италия в VI — VIII веках. — Барнаул, 1991.
34. Duncan-Jones R. The Economy of the Roman Empire. — London, 1974.
35. *Diokletians Preisedikt* / Herausgegeben von S. Lauffer. Texte und Kommentare. — Berlin, 1971.
36. Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. — М., 1938.— Ч. 2.
37. West L. C. The Coinage of Diokletian and the Edict on Prices // Studies in Roman Economic and social History. — Princeton, N. J., 1951.
38. Hopkins K. The Transport of Staples in the Roman Empire // Trade in Staples in Antiquity. Bd. 12. Eight International Economic History Congress. — Budapest, 1982.
39. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. — К., 1964.
40. Сорочан С. Б. Экономические связи Херсонеса со скифо-сарматским населением Крыма в I в. до н. э. — V в. н. э. // Античные государства и варварский мир. — Орджоникидзе, 1981.
41. Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий. — М., 1989.
42. Кузищин В.И. Раскопки позднеримской виллы в окрестностях Севастополя // Археологические открытия 1982 года. — М., 1984.
43. Дремсизова Цв. Нови данни за икономиката на Долна Мизия пред римската епоха // Известия на Народния музей Коларовград. — Варна, 1960.— Кн. 1.
44. Дремсизова-Нелчинова Цв. Вилата край с. Мадара, Шуменски окръг // Разкопки и проучвания. — София, 1984.— Кн. 11.
45. Анохин В. А. Торговля и денежное обращение // Археология Украинской ССР. Т. 2: Скифо-сарматская и античная археология. — К., 1986.
46. Themistii orationes quae supersunt / Rec. H. Schenkl, ed. G. Downey. — Lipsiae: Teubner, 1965.— Vol. 1.
47. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. — СПб., 1875.— Ч. 5.
48. Марков Е. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. — СПб.; М., 1902.
49. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. — СПб., 1875.— Ч. 6.

SUMMARY

Having used all available written sources and the results of the archaeological researches the author tries to prove that the deep rooted approaches to the Roman period of Chersonesus in Tavricus as the leading grain exporting centre are not valid. Supplied quantitative calculations while being rather hypothetical testify to the fact that the town was able to provide itself with bread local but only in small quantities the profits of which could not exceed the articles of Chersonesus export.